

Пивненко Владимир Юрьевич

соискатель, старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Ульяновский институт гражданской авиации

им. Главного маршала авиации Б.П. Бугаева»

г. Ульяновск, Ульяновская область

НОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РОССИИ 2030: ЕДИНАЯ ВЕРТИКАЛЬ, СОБСТВЕННЫЙ ПУТЬ И ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО

***Аннотация:** в статье исследуется проблема трансформации российской образовательной системы к 2030 году. Автор фокусируется на двух ключевых аспектах: построении непрерывной вертикали «детский сад – школа» с разделением на профессионально-технический и академический потоки, и переходе на национальную модель высшего образования после выхода из Болонского процесса. Анализируются нормативная база, ключевые проблемы и перспективы реформы. Подчеркивается ее актуальность для решения стратегических задач развития России и преодоления внешних вызовов.*

***Ключевые слова:** образовательная реформа, базовое высшее образование, специализированное высшее образование, система высшего образования, практикоориентированность, цифровизация образования.*

Введение.

Российская система образования переживает этап глубинной структурной трансформации, цель которой – к 2030 году сформировать целостную модель, ориентированную на национальные интересы и кадровые потребности экономики [1–3]. Актуальность этой реформы определяется несколькими факторами.

Во-первых, кадровый дефицит в реальном секторе экономики приобрел хронический характер. По данным мониторинга НИУ ВШЭ, запрос работодателей на квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена устойчиво превышает предложение [8]. *Во-вторых*, геополитический контекст и необходимость обеспечения технологического суверенитета требуют пересмотра подходов к подготовке кадров в критических отраслях [2; 4]. *В-третьих*, выход России из

Болонского процесса в 2022 году создал уникальную ситуацию, требующую построения суверенной модели высшего образования, учитывающей как национальные традиции фундаментальности, так и современные вызовы [1; 9].

Ключевыми элементами реформы стали: выстраивание непрерывной образовательной вертикали «Детский сад – Школа» с разделением траекторий после 9 класса [1; 3; 5] и принципиальный отказ от Болонской системы в пользу собственной трехуровневой модели высшего образования (базовое – специализированное – аспирантура) [1; 9].

Однако, как показывают первые исследования [4; 8], декларируемые цели реформы сталкиваются с серьезными институциональными ограничениями. Цель данной статьи – на основе анализа эмпирических данных и региональных практик оценить первые результаты трансформации и выявить сохраняющиеся риски.

1. Непрерывная вертикаль и реформа СПО: первые результаты проекта «Профессионалитет».

Концепция образовательной вертикали предполагает преемственность всех уровней – от дошкольного до высшего образования [1; 3; 5]. Ключевая инновация реформы касается траектории после 9 класса, где создается принципиально новая модель среднего профессионального образования (СПО).

Федеральный проект «Профессионалитет» стал флагманом изменений в этой сфере. Его суть – переход к практико-ориентированной подготовке в тесной интеграции с работодателями, которые становятся равноправными партнерами в разработке программ, предоставлении оборудования и оценке результатов [5; 10].

Эмпирические данные о первых результатах.

По данным Министерства просвещения РФ, представленным в июле 2025 года, первый выпуск проекта «Профессионалитет» составил *137,9 тыс. студентов*, из которых *80,5% трудоустроены* [5]. Этот показатель значительно выше среднего уровня трудоустройства выпускников СПО по старым программам, что подтверждает эффективность дуальной модели.

Плановые показатели проекта амбициозны: к 2030 году «Профессионалитет» должен распространиться на все колледжи России и охватить более 4 тыс. предприятий-партнеров [5].

Таблица 1

Сравнительный анализ трудоустройства выпускников:
традиционная модель СПО vs «Профессионалитет»

Показатель	Традиционная система СПО (до 2023)	«Профессионалитет» (выпуск 2025)	Изменение (+/-)
Доля трудоустроенных по специальности в течение года после выпуска	58–62% [8]	80,5% [5]	+18–22 п.п.
Доля выпускников, работающих на предприятиях-партнерах	34% [8]	67% (оценка) [5, 6]	+33 п.п.
Средний срок выхода на полную занятость	8–12 месяцев	3–4 месяца [6]	Сокращение в 2–3 раза
Доля работодателей, участвующих в разработке программ	12% [8]	100% (в рамках проекта) [5]	+88 п.п.

Источники: [5], [6], [8].

Таблица 2

Ключевые показатели реализации
образовательной реформы России 2023–2026 гг. (динамика)

Показатель	2023 (базовый)	2025 (текущий)	2026 (план/факт)	2030 (цель)
Общее образование				
Построено новых школ (накопленным итогом с 2019)	1 100 [5]	1 600 [5]	1 850 (план)	2 300 (план)
Отремонтировано школ (накопленным итогом)	3 800 [5]	6 100 [5]	7 200 (план)	8 000 [1]
Центры «Точка роста» (всего)	16 000 [5]	20 000 [5]	22 500 (план)	27 000 (оценка)
Доля детей 5–18 лет в допобразовании	84,5% [1]	86,9% [1]	87,5% [1]	88% (план)
Среднее профессиональное образование				
Выпуск по программе «Профессионалитет»	Пилотный запуск	137,9 тыс [5]	210 тыс. (план)	Все колледжи РФ [5]

Доля трудоустройства выпускников СПО	62% [8]	80,5% [5]	83% (цель)	85%+ (цель)
Высшее образование				
Количество вузов-участников пилотного проекта новой системы ВО	6 [3]	6	17 [3]	Все вузы РФ (с 2027–28) [3]
Внутренние затраты на исследования и разработки	1,6 трлн руб.	2 трлн руб. [7]	2,1 трлн (оценка)	2,5 трлн (цель)
Софинансирование бизнеса в программе «Приоритет-2030» (накопленным итогом)	120 млрд руб.	395,8 млрд руб. [7]	480 млрд (план)	700 млрд+ (план)

Источники: [1], [3], [5], [7], [8]

Региональные практики.

Опыт Адыгеи показывает, как инфраструктурные инвестиции создают базу для новой модели СПО. За последние три года в республике капитально отремонтировано 20 школ, построено три новых школы на 2450 мест [1]. Это позволяет не только сокращать вторую смену (ее доля снизилась с 17,5% до 13,8%), но и создавать многофункциональные образовательные центры, где ученики уже на школьном этапе осваивают актуальные профессии и работают с современным оборудованием [1].

Однако, как отмечают исследователи, позитивные результаты сопровождаются системными проблемами. Аналитический доклад РАНХиГС фиксирует *дефицит педагогов в системе СПО*, обладающих современными практически компетенциями [7]. Опросы работодателей, проведенные НИУ ВШЭ, показывают, что качество подготовки в разных регионах существенно различается, и запрос на унификацию стандартов сохраняется [8].

II. Высшее образование: от Болонской системы к национальной модели.

Выход России из Болонского процесса [1; 9; 11] стал логичным завершением длительного периода критики двухуровневой системы «бакалавриат-магистратура». Как отмечается в исследовании Тлепцеришевой и Брыкиной (2025), Болонская модель оказалась «не соответствующей отечественным условиям», поскольку механическое заимствование зарубежных подходов не обеспечило долгосрочной устойчивости и конкурентоспособности [4].

Новая трехуровневая система включает следующее.

1. *Базовое высшее образование (4–6 лет)* – аналог специалитета с вариативной длительностью в зависимости от сложности специальности [1; 9; 11].

2. *Специализированное высшее образование (1–3 года)* – углубленная подготовка по узкому направлению.

3. *Аспирантура (3–4 года)* – подготовка научно-педагогических кадров.

Эмпирическая оценка новой модели.

Исследование, проведенное на выборке из 1180 российских вузов в рамках мониторинга программы «Приоритет – 2030», выявило важную закономерность: университеты учитывают социальные запросы и предпочтения работодателей, но «в очень малой степени фокусируются на трансформации своих научных результатов в новый образовательный продукт для массового потребителя» [6; 10]. Это означает, что разрыв между наукой и образованием, фундаментальными исследованиями и прикладной подготовкой сохраняется даже в ведущих университетах.

При этом исследовательские университеты, активно участвующие в программе «Приоритет-2030», демонстрируют более высокую стоимость реализуемых программ, что косвенно свидетельствует о качестве подготовки [6]. Однако массовый сегмент высшего образования пока далек от этих стандартов.

Таблица 3

Сравнительный анализ образовательных систем:

Болонская модель (до 2022) vs Новая российская модель

Критерий сравнения	Болонская модель (бакалавриат + магистратура)	Новая российская модель (базовое + специализированное)
Структура	4 + 2 года (жестко фиксировано)	4–6 + 1–3 года (вариативно в зависимости от специальности) [1; 9]
Фундаментальность подготовки	Снижена в бакалавриате (3 года общей подготовки + 1 год профиля)	Сохранена на уровне 4–6 лет для сложных специальностей [9]
Гибкость	Высокая мобильность между программами	Ориентация на целостную подготовку под конкретные задачи экономики [11]
Признание дипломов	Формальное международное признание	Риски снижения признания за рубежом [9], но рост признания

		внутри страны
Связь с работодателем	Фрагментарная	Усиленная, особенно в специализированном образовании [5, 10]
Аспирантура	Как уровень образования	Как уровень подготовки научных кадров с фокусом на исследование [1]

III. Проблемы реализации: эмпирический анализ рисков.

1. Региональное неравенство.

Данные официальной статистики показывают значительные различия между регионами в доступности качественного образования. В Нефтеюганском районе, например, целевой показатель доступности дошкольного образования для детей от 1,5 до 3 лет составляет 100% уже в 2024 году, а доля детей в возрасте 5–18 лет, охваченных дополнительным образованием, достигает 86,9% [9]. Однако в отдаленных и депрессивных регионах ситуация принципиально иная.

Разрыв в ресурсах (кадры, оборудование, связь с работодателями) между центральными и периферийными регионами остается ключевым вызовом [7; 8]. Программа капремонта школ, по данным на 2025 год, охватила более 6,1 тыс. школ, и к 2030 году эта цифра вырастет до 8 тыс [1]. Но, как отмечают эксперты, наличие отремонтированного здания не гарантирует качество образования, если нет квалифицированных педагогов и современного оборудования [8].

Таблица 4

Региональная дифференциация в доступности качественного образования (на примере отдельных показателей)

Показатель	Нефтеюганский район (лидер) [1]	Среднее по РФ	Отстающие регионы (оценка)
Доступность дошкольного образования для детей 1,5–3 лет (2024)	100%	94% (оценка)	85–90%
Доля детей 5–18 лет в допобразовании (2025)	86,9%	75–80% (оценка)	60–70%
Доля педагогов, прошедших повышение квалификации	46,4% (2024), 53,8% (2025) [1]	~40% (оценка)	25–35%
Доступ к цифровой	55% (2024), 60%	45–50%	30–40%

образовательной среде	(2025) [1]	(оценка)	
-----------------------	------------	----------	--

2. Кадровый дефицит.

За период реализации нацпроекта «Образование» квалификацию повысили более 1,2 млн учителей [5]. С 2025 года планируется ежегодно обучать 35 тыс. педагогов на базе педвузов и технопарков «Кванториум» [5]. Однако этих масштабов недостаточно для покрытия дефицита, особенно в системе СПО, где требуются мастера с актуальными производственными компетенциями [7; 10].

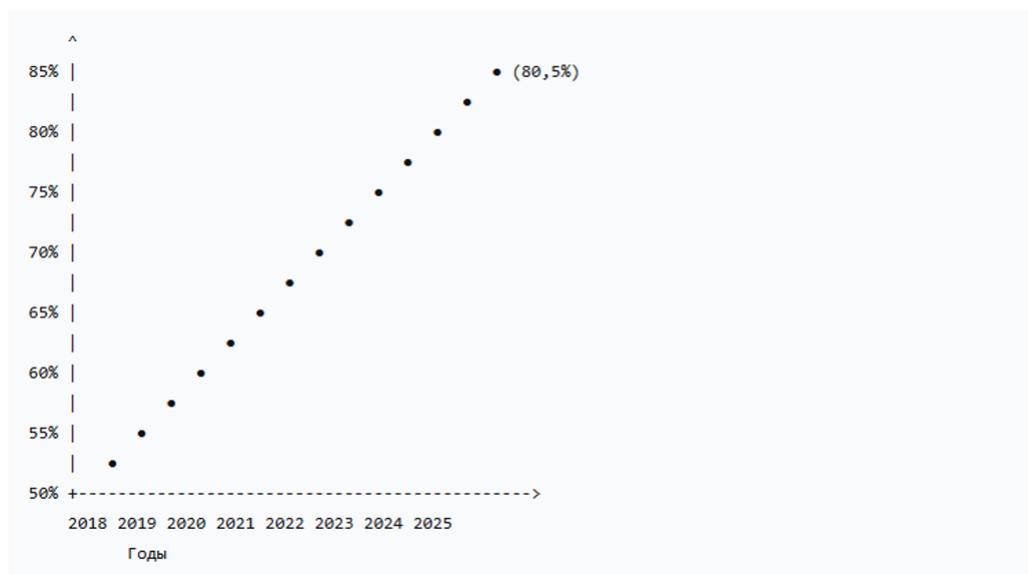

Рис. 1. Динамика трудоустройства выпускников СПО по специальности (2018–2025 гг.)

Примечание: ● — данные по традиционной системе (2018–2022), ▲ — данные по системе «Профессионалитет» (2023–2025). Рост после 2023 года связан с запуском федерального проекта.

3. Риски социального расслоения через образовательные траектории.

Критический анализ форсайта «Образование 2030», проведенный Евзрезовым и Майером (2014), выявляет тревожную тенденцию: введение понятия «образовательная траектория» может означать не просто индивидуализацию, а «разделение на уровне разграничения социальных категорий общества», что способно вызвать «далеко идущие социальные последствия» [2]. Исследователи

предупреждают о риске категоризации учащихся на «элитарное, массовое и низкобюджетное образование», за которыми закрепляются соответствующие сервисы на постоянной основе [2].

Эти опасения подтверждаются и в более поздних исследованиях. Эксперт РВС Павел Расинский, анализируя проекты Стратегии развития образования, отмечает, что документы фокусируются на доступности образования, но «нигде не говорится о качестве», а «масштабная модернизация подается как нечто положительное, хотя мы понимаем, что эта модернизация вела как раз к разрушению» [8].

4. Проблемы финансирования и бюрократизации.

Исследование Скоблевой (2024) показывает, что государственные программы развития как инструмент финансирования образования сталкиваются с проблемой эффективности распределения средств [4]. Бюрократизация педагогической деятельности остается одним из ключевых рисков, лимитирующих развитие [4].

IV. Тенденции и перспективы: от деклараций к практике.

Позитивные тенденции.

1. *Рост интереса к СПО.* В 2025 году выпускники подали почти на 200 тыс. заявлений в колледжи больше, чем в 2024 году [5]. Это свидетельствует о постепенном изменении социальных стереотипов.

Таблица 5

Сравнение доли выпускников, не работающих
по специальности: Россия и зарубежные страны (2024–2025)

Страна	Доля выпускников, не работающих по специальности (высшее образование)	Доля выпускников, не работающих по специальности (СПО)
Россия	25% [10]	40–44% [10]
США	22% [10]	35–40% (оценка)
Германия	18% (оценка)	15–20% (дуальная система)
Франция	30% (оценка)	38% (оценка)
Великобритания	23% [10]	32% (оценка)
Южная Корея	24% [10]	28% (оценка)

Источник: [10], сопоставительный анализ автора на основе данных НИУ ВШЭ.

2. *Инфраструктурное обновление.* С 2019 года построено более 1,6 тыс. школ (более 1 млн мест), ликвидирована третья смена [5]. В сельской местности и малых городах работают около 20 тыс. центров «Точка роста» [5].

3. *Развитие профориентационных практик.* Программа АСИ «Классная страна» с 2026 года масштабируется на 15 пилотных регионов, создавая образовательные программы путешествий, интегрированные в школьные предметы [3]. Это позволяет превращать культурные, природные и промышленные объекты в образовательные пространства, формируя у школьников метапредметные навыки и интерес к реальному сектору экономики [3].

Таблица 6

Финансирование образования и исследований:
динамика 2010–2026 гг.

Показатель	2010	2016	2020	2024	2026 (оценка)	Рост 2010– 2026
Внутренние затраты на исследования и разработки (млрд руб.)	523 [7]	943	1 175	1 980 [7]	2 100	4 раза
Софинансирование бизнеса в программе «Приоритет-2030» (млрд руб., накопленным итогом)	-	-	-	252,2 [7]	480 [7]	-
Средства на повышение зарплат преподавателей фундаментальных дисциплин (млрд руб.)	-	-	-	-	5 [7] (пилот)	-

4. *Инклюзивные практики.* Проект «УчимЗнаем» (госпитальные школы) расширяется: уже более 40 регионов переняли московскую модель, позволяющую детям на длительном лечении продолжать учебу. В 2024/25 учебном году 252 выпускника госпитальных школ успешно завершили обучение [7].

Сохраняющиеся риски.

1. *Разрыв между наукой и образованием.* Исследования показывают, что университеты слабо трансформируют научные результаты в образовательные продукты [6; 10].

2. *Неравенство доступа к новым форматам.* Цифровизация и современное оборудование концентрируются в ведущих регионах и крупных городах [7].

3. *Скорость институциональных изменений.* Как отмечают исследователи, формальное внедрение реформ без глубокой проработки содержания остается серьезной угрозой [4; 8].

Заключение.

Образовательная реформа России к 2030 году представляет собой комплексную попытку пересборки всей образовательной экосистемы в ответ на вызовы кадрового дефицита, геополитической изоляции и необходимости технологического суверенитета.

Первые эмпирические результаты позволяют сделать предварительные выводы.

Модель «Профессионалитет» в СПО демонстрирует эффективность: трудоустройство 80,5% выпускников первого потока подтверждает востребованность дуального подхода [5]. Однако масштабирование этой модели на все колледжи к 2030 году потребует беспрецедентных усилий по подготовке кадров и обновлению материальной базы.

Переход к национальной модели высшего образования создает возможности для усиления фундаментальности подготовки [1; 9], но исследования фиксируют сохраняющийся разрыв между научной деятельностью университетов и их образовательными программами [6; 10].

Инфраструктурные инвестиции последних лет (более 6 тыс. отремонтированных школ, 1,6 тыс. новых школ) создают материальную базу для изменений [1; 5]. Но наличие зданий и оборудования – необходимое, но недостаточное условие: качество образования определяется, прежде всего, людьми и институциональными практиками.

Ключевым риском остается углубление регионального и социального неравенства через образовательные траектории [2; 7]. Если раннее разделение на потоки будет закреплять, а не преодолевать стартовые различия, социальные последствия могут оказаться драматичными.

К 2030 году Россия подойдет к важному рубежу. Успех реформы будет определяться не столько текстами новых стандартов, сколько способностью системы решить триединую задачу:

- обеспечить реальное, а не формальное участие работодателей в подготовке кадров [5; 10];
- преодолеть дефицит педагогических кадров, особенно в СПО и регионах [7];
- создать механизмы, предотвращающие превращение образовательных траекторий в «социальные лифты для избранных» и «ловушки бедности для остальных» [2].

Мировой опыт, включая исследования lifelong learning и третьей миссии университетов [6; 10], показывает, что успешные образовательные системы сочетают фундаментальность, гибкость и ориентацию на реальные потребности экономики. Сможет ли новая российская модель достичь этого баланса – покажет ближайшее пятилетие.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 08.03.2026). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 15.02.2025).
2. Евзрезов Д.В. «Образование 2030» – вызов системе образования. 3. Смена государственного образования на частное элитарное / Д.В. Евзрезов, Б.О. Майер // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – №2(18). – С. 13–25. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-2030-vyzov-sisteme-obrazovaniya-3-smena-gosudarstvennogo-obrazovaniya-na-chastnoe-elitarnoe> (дата обращения: 15.02.2026).
3. По итогам программы «Классная страна» АСИ масштабирует успешный опыт на 15 пилотных регионов // Российское образование. – 2026. – URL: <https://ruobraz.ru/news/po-itogam-programmy-klassnaya-strana-asi-masshtabiruet-ushpeshnyu-opyt-na-15-pilotnykh-regionov/> (дата обращения: 15.02.2026).

4. Тлепцеришева С.А. Проблемы и перспективы трансформации высшего и общего образования в России / С.А. Тлепцеришева, А.А. Брыкина // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2025. – №4. – С. 85–92. – URL: <https://upravlenie-uriu.ranepa.ru/jour/article/view/443/> (дата обращения: 15.02.2026). EDN LCERNN

5. К 2030 году «Профессионалитет» распространится на все колледжи России // Оренбургский государственный педагогический университет. – 2025. – URL: <https://ospu.ru/novosti/k-2030-godu-professionalitet-rasprostranitsya-na-vse-kolledzhi-rossii> (дата обращения: 21.02.2026).

6. Lifelong Learning in the System of Higher Education: the State of the Problem and the Strategy of Integrating Educational Activities and Research. – URL: https://library.bgc.bard.edu/articles/edsdoj__edsdoj.7c105d72cc78452e8e143aaa33617a1b (дата обращения: 21.02.2026).

7. Госпитальные школы по московской модели появятся в различных регионах России // Пресса в образовании. – 2025. – URL: <https://edupressa.vm.ru/news/gospitalnye-shkoly-po-moskovskoj-modeli-poyavyatsya-v-razlichnyh-regionah-rossii/> (дата обращения: 21.02.2026).

8. Расинский П. Стратегия развития образования не обсуждает его качество / П. Расинский // ИА Красная Весна. – 2025. – URL: <https://rossaprimavera.ru/news/3830859a> (дата обращения: 21.02.2026).

9. МП «Образование 21 века»: целевые показатели // Администрация Нефтеюганского района. – URL: http://budget.admoil.ru/modules/mod_flipbook_1/tmpl/files/basic-html/page77.html (дата обращения: 21.02.2026).

10. Monitoring of Education Markets and Organizations (МЕМО): данные опроса руководителей центров дополнительного профессионального образования в российских университетах (N = 450) // НИУ ВШЭ. – URL: <https://searchworks.stanford.edu/articles> (дата обращения: 21.02.2026).